

КУЛЬТ-УРА!

В "ТАБАКЕРКЕ" СМОТРЯТ НА ПОВЕДЕНИЕ

Говорят, австрийский драматург Томас Бернхард внушал панический ужас режиссерам и актерам, решившимся ставить и играть его пьесы. Возможно, поэтому все происходящее в "Табакерке" больше похоже на таинственный колдовской обряд, чем на обычную репетицию. Посторонних сюда не пускают, и только для корреспондента "МК" сделали исключение. Премьера "Лицедея" — 12 мая.

Ставит "Лицедея" молодой, но уже успевший заявить о себе режиссер **Миндагаус Карбаускас**. О самой пьесе он старается много не говорить, закрываясь от любопытствующих литературными источниками. Говорит, что лучше их рассказать не сможет. В этом есть доля истины — судя по репетиции, режиссер и сам не знает, как будет выглядеть пьеса в финале.

Четвертая сцена, она же последняя. Трактир. Внутри царит хаос. Идет репетиция спектакля в спектакле, где режиссер — артист **Андрей Смоляков**. Он суетится, мечется по сцене с палкой и своими полубезумными манерами смахивает на Лени-на в ночь октябрьского переворота.

Андрей
Смоляков.

ЕКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА

— Это не какой-то шлюхастый водевильчик. Это классика! — с отталкивающей издевкой цедит Смоляков в сторону партнерши, жены по сюжету пьесы **Надежды Тимохиной**. Та сидит, не шелохнувшись и не реагируя на брюзжание мужа. — Я понимаю, тебе хотелось бы играть красивеньких хотя бы на сцене...

Процесс репетиции состоит из бесконечных перерывов, во время которых Карбаускас и Смоляков пытаются отыскать правильное решение очередной сцены.

— Нельзя ответить на вопрос о главном герое, талантливый он человек или нет, — говорит режиссер. — Речь о другом: что он делает. В основном мы занимаемся обычными вещами, выстраиваем и изучаем человеческое поведение.

Странность драматургии вызвана

страстью Бернхарда к длинным монологам. Сказать проще, "Лицедей" — это один сплошной монолог главного героя, изредка подкрашенный второстепенными репликами прочих актеров. Среди них — **Алексей Усольцев**, **Лина Миримская**, **Александр Воробьев** и помреж **Елена Цапко**.

Быть безмолвными и вспомогательными — звучит обидно для остальных артистов и не очень привлекательно для публики. Правда, режиссер обещает не издеваться над людьми, как это делал Томас Бернхард, и убрать все длинноты. Однако именно при таком раскладе Бернхард получил известность одного из наиболее значимых и скандальных имен в австрийской литературе. В России его пьесы ни разу не ставились, а в своем завещании драматург категорически запретил издавать свои произведения на родине, в Австрии.

— **Миндагаус, почему вы решили поставить именно "Лицедея"?**

— Мне очень понравилась пьеса, и показалось, что есть актер, который сможет это сыграть. Главная сложность состоит в том, что это "диалог", когда почти всегда говорит только один человек. Но это не

монолог. Драматургия здесь очень авторская и не классическая, больше похожая на розыгрыш.

— В афише жанр пьесы значится как "комедия, которая на самом-то деле, конечно же, трагедия или наоборот". Почему такая неопределенность?

— Потому что так и у Бернхарда. Идет игра театральных форм — по сути я вижу драму, где актер играет комедию, которую называет трагедией. Весь спектакль состоит на контрапунктах. В одной стороне занавес будет холщовый, в другой — на красном бархате, костюмы театральные и реальные.

Все время в зале звучит один и тот же мотив польки. Карбаускас хочет найти несколько разных мелодий и запустить их непрерывно, как пластинку.

— Есть много красивых литовских полек, — говорит он сам себе.

— А мы кто? — интересуется кто-то из актеров.

— Мы — литовцы, люди без чувства юмора, — отвечает режиссер. И репетиция размеренно и въедливо течет дальше...

Мария КОСТЮКЕВИЧ.